

УДК 101;159.955

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВНИМАНИЯ В ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГУССЕРЛЯ

А. А. Нечаев

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск)

Поступила в редакцию 25 января 2012 г.

Аннотация: в статье анализируется место понятия внимания во втором томе Логических исследований Гуссерля. Обнаруживается два контекста, в которых Гуссерль обращается к понятию внимания. Первый контекст – теория абстрагирования и понятие вида (второе ЛИ). Гуссерль критикует современные ему теории абстрагирования, которые рассматривают абстракцию как результат исключительного внимания к несамостоятельным атрибутам индивидуального явления. Внимание в этом контексте не позволяет говорить о сознании общего как самостоятельном феномене. Второй контекст – понятие сложного акта и место внимания в нем (пятое ЛИ). Здесь Гуссерль признает важность внимания в процессе образования комплексного интенционального акта. Отмечается сложное отношение понятия внимания и интенциональности (контексты, в которых эти понятия отождествляются и разделяются). В общем чувствуется критический настрой основателя феноменологии к концепту внимания, нежелание выделять его в качестве самостоятельного интенционального акта; это объясняется стремлением размежевать психологию и феноменологию.

Ключевые слова: внимание, абстракция, вид, номинализм, сознание общего, комплексный интенциональный акт.

Abstract: this article deals with concept of attention in Husserl's Logical Investigations. Although this concept is not especial topic of Husserl's work, we can reveal two places, where attention is taken into consideration. The first place relates to the problem of abstraction as a consciosness of specie (in the second LI). Here Husserl denies formation of abstracts (species) as a result of attention (interest). The second locus relates to the problem of comlex act (in the fifth LI). Here Husserl accepts the important role played by attention in putting certain act-characters into relief, and so essentially influencing the phenomenological pattern of these acts.

Key words: attention, abstraction, species, nominalism, consciosness of common, comlex intentional, act.

Анализ текста второго тома Логических исследований дает понять, что Гуссерль обращается к понятию внимания во втором и пятом исследованиях. Второе исследование рассматривает феномен вида (Species) в контексте критики традиционного понимания вида как абстракции, т.е. как отвлечения от индивидуальных качеств. Собственно исследование и называется «Идеальное единство вида и современные теории абстрагирования». Этот контекст надо постоянно иметь в виду, чтобы правильно осветить гуссерлевское понимание феномена внимания.

Собственно о внимании речь заходит в третьей главе данного исследования, которая носит название «Абстракция и внимание». Первый параграф этой главы называется «Номиналистические теории, которые рассматривают абстракцию как результат внимания». Здесь Гуссерль обращается к анализу «влиятельной» теории абстрагирования Милля. При этом имеется в виду полемическое сочинение против Гамильтона (An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy), которое в дальнейшем обширно цитируется на языке оригинала. Гуссерль сразу замечает, что согласно миллевской теории, «абстрагирование есть просто результат внимания» [1, с. 125]. Милль вполне в духе эмпиризма отрицает существование «общих представлений» и «общих предметов». Понятно, что он не отрицает возможность наглядного представления «единичных конкретностей». Поэтому «когда мы наглядно представляем единичные конкретности, мы можем направить наше исключительное внимание или наш исключительный интерес на различные части или стороны предмета» [1, с. 125]. Заметим, что «внимание» и «интерес» употребляются тут как синонимы. Гуссерль находит противоречие в отрицании существования общих представлений и одновременном рассмотрении их самих по себе.

Следующий, 14-й параграф не содержит каких-либо рассуждений по теории внимания. Он называется «Возражения, которые равным образом могут быть отнесены к любой форме номинализма». Первое возражение формулируется как «Отсутствие дескриптивной фиксации цели». Здесь Гуссерль говорит о различении «дескриптивно данного» и «требующего прояснения», замечая, что в миллевской теории абстрагирования это различие отсутствует. Сразу после вышеупомянутого требования он предлагает повторить мыслительный ход с осознанием различия в сфере имен, а именно «различие имен, которые называют Индивидуальное, и тех, которые называют Видовое». В его примере первые (индивидуальные) имена – это Сократ и Афины, а вторые (видовые) – цифра четыре, нота «до!» и красный цвет. Затем делается важное уточнение о соотношении «имен», «значений» и «предметов»: «Именам соответствуют определенные значения, и посредством них мы относимся к предметам» [1, с. 128]. Отсюда делается вывод, что и в случае употребления видовых (общих) имен мы их имеем предметно, но не индивидуально. Предметность же и представленность – это синонимы. Отсюда следует вывод о существовании общих представлений, противоречащий номинализму вообще и миллевской теории абстрагирования в частности. Причем, подчеркивает Гуссерль, предметность видов дана с очевидностью, т.е. непосредственно в созерцании. Таким образом, подразумевающий акт имеем в виду идеальное, вневременное единство. Рефлексия на переживания актов, в которых подразумеваются индивидуальное и видовое, показывает, что «в отдельном акте мышления общее может проявляться в субъективном сознании и при определенных условиях становиться очевидной данностью» [1, с. 129–130].

15-й параграф представляет собой второе возражение против миллевской теории абстрагирования, теперь уже в связи с понятием внимания.

Гуссерль пишет, что современный номинализм в лице Милля отвергает «не только абсурдные общие идеи Локка, но также общие понятия ... в том смысле, который с очевидностью выявляет анализ мышления в соответствии с его объективным содержанием значений, и выявляет как такой смысл, который конститутивен в отношении идеи единства мышления» [1, с. 131]. Причина этого заблуждения состоит в неверном понимании психологического анализа. Это неверное понимание состоит в следующем: «Естественная склонность направлять взгляд всегда только на первично созерцаемое и, так сказать, осязаемое в сфере логических феноменов сбивает с пути и ведет к тому, что наличествующие наряду с именами внутренние образы понимают как значения имен» [1, с. 131]. В нашем случае важно отметить, что внимание как раз отождествляется с вышеупомянутой естественной склонностью. Кроме того, Гуссерль настаивает, что акт, подразумевающий общее, есть самостоятельный, отдельный акт, а не производное от акта, подразумевающего единичное. Здесь Гуссерль подчеркивает различие между психологией абстрагирования и феноменологией абстрагирования. Феноменологию, в отличие от психологии, интересует только сущность и смысл (значение), которые в данном случае отождествляются с понятием вида как центральным для логики и теории познания. Понятие вида также непосредственно содержится в сущности переживания, как и переживание индивидуального. Заострение внимания на отдельных чертах созерцаемого предмета не приближает нас к очевидности различия общего и индивидуального.

16-й параграф представляет собой третье возражение против номиналистической теории абстрагирования. Здесь подчеркивается различие между двумя видами общего: «между общим [как результатом] психологической функции и общим, которое принадлежит самому содержанию значения» [1, с. 134]. Гуссерль критикует номиналистическую теорию абстрагирования за непризнание самостоятельного вида сознания – сознания видового общего. Так, он пишет: «Сознание видового общего должно выступать как существенно новый способ “представления” [как акта], и притом способ, который не просто является новым способом представления индивидуальных единичностей, но благодаря которому осознается новый вид единичностей, а именно видовые единичности» [1, с. 136].

17-й параграф представляет собой 4-е возражение номиналистической теории абстрагирования. Здесь речь идет о применении к критике номинализма выделенного различия психологического общего и логического общего. Главную ошибку номиналистической теории абстрагирования Гуссерль видит в том, что «она совершенно упускает из виду формы сознания (формы интенции и коррелятивные им формы осуществления) в их несводимом своеобразии» [1, с. 136]. Отсутствие дескриптивного анализа приводит «к непониманию того, что логические формы суть не более чем эти формы интенции значения, возведенные в сознание единства, т.е. формы, которые сами объективированы в идеальные виды. И к этим формам относится как раз и общее» [1, с. 136]. Далее идет речь о вышеупомянутом номиналистическом смешении различных понятий общего.

Гуссерль настаивает на существовании отдельного акта, «в котором все же живо совершенно целостное сознание общего» [1, с. 137].

18-й параграф вновь возвращает нас к понятию внимания. Он называется «Учение о внимании как обобщающей силе». Здесь Гуссерль рассматривает другую разновидность номинализма, восходящую к Беркли. Это направление остается в русле центрального для проблемы абстрагирования (видообразования) вопроса – «каким образом возникает вид как неразличимое [внутри себя] единство в противоположность многообразию» [1, с. 137]. Однако, в отличие от Милля, представители берклевского номинализма пытаются ответить на этот вопрос «не обращаясь к общему [как результату] ассоциативной функции и, соответственно, к общему применению того же самого имени и понятия ко всем предметам объема этого понятия» [1, с. 137]. Развивая идею Беркли, Гуссерль приходит к выводу, что «абстрагирование как исключительная направленность интереса вызывает то, что различенность абстрагированного, его индивидуализация теряется» [1, с. 137].

19-й параграф представляет собой первое возражение к вышеописанной берклевской теории абстракции. Это возражение формулируется в заголовке следующим образом: «Исключительная направленность внимания на какой-либо признак как момент [предмета] не выделяет его индивидуальность». Неприемлемость берклевской теории абстрагирования становится очевидной исходя из цели «которой должна служить теория абстрагирования, а именно: прояснить различие общих и индивидуальных значений, т.е. выявить сущность этого различия, коренящегося в созерцании» [1, с. 139]. Иными словами, если не выделяется индивидуальное значение, то нельзя выделить и общее значение; нельзя говорить об их различии. Для того, чтобы видеть, что собственно подразумевается посредством выражений, необходимо воспроизвести интуитивные акты, в которых словесные интенции осуществляются в созерцании. Абстрагирование как некое выражение тоже должно быть доведено до созерцания. Иными словами, «абстрагирование должно быть... актом, в котором реализуется сознание общего как осуществление интенции общих имен» [1, с. 139]. Далее ставится вопрос о возможности достижения созерцательного различия общих и индивидуальных значений (и, следовательно, достижения абстрагирования) с помощью внимания. В этом контексте Гуссерль формулирует собственное понятие внимания. Внимание – «это есть функция, которая в своеобразной дескриптивной манере отдает предпочтение каким-либо предметам сознания и различается ... только благодаря предметам, которым она отдает предпочтение» [1, с. 140]. В упрек теории абстрагирования (видообразования) посредством внимания Гуссерль вновь ставит то, что в ней «не может быть никакого существенного различия между актом, в котором подразумевается (Meinen) индивидуальное, как это имеет место в случае интенции собственного имени, и актом, в котором подразумевается общее, которое присуще именам атрибутов; это различие состоит только в том, что в одном случае как бы фиксируется во внутреннем зоре весь индивидуальный предмет, а в

другом — атрибут» [1, с. 140]. Смысл, а именно смысл вида как единства многообразия должен стать, согласно Гуссерлю, самостоятельной реальностью сознания в отличие от предметного момента в чувственном явлении, «который выступает в чувственном явлении как отдельный случай вида» [1, с. 141]. Именно благодаря этому смыслу «мы можем говорить об одном и том же тождественном атрибуте, о виде как единстве многообразия» [1, с. 141]. О смысле как видовом единстве, согласно Гуссерлю, можно говорить лишь в случае признания другого вида сознания, другого акта. В противоположность этому теория абстрагирования на основе внимания утверждает, что «направленность внимания на весь объект в целом и направленность внимания на его части и признаки есть по существу один и тот же акт» [1, с. 141].

20-й параграф представляет собой второе возражение к сформулированному в 18-м параграфе учению о внимании как обобщающей силе. Здесь критикуется изложенная в 18-м параграфе точка зрения Беркли, согласно которой «при геометрическом доказательстве относящегося ко всем треугольникам утверждения мы имеем в виду каждый раз единичный треугольник, треугольник на чертеже, и что мы при этом используем только те определения, которыми обозначается вообще треугольник как треугольник, в то время как мы отвлекаемся от всех других определений» [1, с. 142]. Иными словами, «то, что мы используем только эти определения, означает, что мы только на них обращаем внимание, что мы только их делаем объектами исключительного внимания» [1, с. 142]. Подразумевается, что таким образом мы обходимся без допущения общих идей. Ход рассуждения Беркли вполне устраивает Гуссерля, но его не устраивает полагаемое в основу толкование. Согласно Гуссерлю, Беркли «смешивает основание абстрагирования с абстрагированным, конкретный единичный случай, из которого сознание общего черпает свою интуитивную полноту, с предметами интенции мышления. ... как будто вообще в мышлении общего отдельные объекты, случайным образом представшие перед нами, вместо простой опоры нашей интенции мышления были бы его объектами» [1, с. 142]. Итак, Беркли тоже не учитывает своеобразие сознания «которое непосредственно схватывает видовое единство на интуитивной основе» [1, с. 143].

21-й параграф третьей главы называется «Различие между направленностью внимания на несамостоятельный момент созерцаемого предмета и на соответствующий атрибут как вид *in specie*». Гуссерль рассматривает здесь следующую трудность теории абстрагирования (видообразования) как результата внимания: внимание в этой теории обращено к индивидуальному моменту. Внимание (интерес) направлено либо на индивидуальное, либо на общее. Гуссерлю же надо заметить сразу их соотношение (различие). Иными словами, чтобы обратить внимание на индивидуальное, надо уже иметь представление и об общем. И наоборот, чтобы обратить внимание на общее, надо иметь представление об индивидуальном. Ведь индивидуальное и общее — это соотносительные понятия. Если при исключительном внимании к общему мы не различаем индивидуаль-

ное, то и общее перестает быть общим, а становится несамостоятельным моментом: «при рассмотрении единичного в сферу интереса попадают индивидуализирующие моменты, при рассмотрении вида они остаются исключенными; “интерес направлен только на общее”, т.е. на содержание, которого самого по себе недостаточно для различения индивидуального» [1, с. 143]. Здесь Гуссерль рассматривает парадокс соотношения сознания единичного (обозначаемого собственным именем) и индивидуализирующих моментов. Отбрасывание положений, показавших свою абсурдность, вынуждает сторонников теории «интересующегося абстрагирования» признать самостоятельное сознание общего: «Если хотят, в конце концов, найти новый выход из положения [и утверждать], что на индивидуализирующее хотя и не направляется специально внимание, как на то, чем мы преимущественно интересуемся, а также не направляется к нему внимание и попутно как на находящийся совершенно вне господствующего интереса объект, но скорее направляется на него внимание имплицитно (mitbeachtet) как на относящееся к нашему интересу и своеобразно заключенное в его интенции, то тогда уже покидают почву этой теории. Она все же претендует на то, чтобы обойтись лишь точечной направленностью взгляда на данный конкретный предмет или на данную в нем особенность, и теперь завершает это тем, что предполагает различные формы сознания, от которых она должна была бы избавиться» [1, с. 145].

В 22-м параграфе, говоря о фундаментальном пробеле в феноменологическом анализе внимания, Гуссерль держится в русле критики теории абстрагирования как результата внимания. Главным предрассудком локковской теории абстрагирования он считает отождествление предметов внимания с психическими содержаниями и настаивает на том, что направленность внимания на пережитые психические содержания не может дать абстрактную идею. Внимание как надстройка над актом созерцательной данности атрибута заменяется специальным актом данности вида. В дальнейшем в этом параграфе предлагается различать чувственное и нечувственное абстрагирование; но по-видимому в любом случае имеет место акт нового типа (идеация?), а не акт простого внимания.

23-й параграф называется «Осмысленные высказывания о внимании относятся ко всей сфере мышления, а не только к сфере созерцания». Здесь Гуссерль отождествляет внимание и сознание: «Объем единого понятия внимания настолько ... широк, что он ... охватывает всю область созерцательного и мыслительного полагания... В конечном итоге, он простирается настолько же широко, как и понятие сознания о чем-либо» [1, с. 149]. Другим аналогом внимания оказывается предпочтение. «Когда мы говорим, различая, об актах внимания как об определенном предпочтении внутри сферы сознания, то это касается определенного различия, которое не зависит от вида, или типа, сознания (от модуса сознания)» [1, с. 149]. В первом издании предпоследнее предложение выглядело несколько по-другому. В частности, там стоит: «Когда мы говорим о направленности внимания (Aufmerken) как определенном предпочтении

в пределах сферы актов, в которых мы нечто замечаем (Bemerken), это касается определенного различия, которое не зависит от вида, или типа, представления (от модуса представления)» [1, с. 149]. Далее речь идет об акте «замечать нечто» (Bemerken), который упоминался в первом издании как синоним внимания. Причем предполагается, что это «простой, не поддающийся дальнейшему описанию способ» [1, с. 149] – способ осознания созерцаний как отдельных. Этот способ осознания отдельности далее называется способом выявления и обнаружения созерцаний. Подобная характеристика акта замечания отождествляется далее с отрицанием различий в модусе представления и пониманием внимания как высвечивающей и заостряющей функции. Оба эти условия, как считает Гуссерль, чрезмерно сужают понятия. Развивая тему различия предмета и психического содержания, Гуссерль подчеркивает, что предмет, в отличие от психических связей, есть то, что имеется в виду. Подобное предметное (а не психическое?) существование содержания возникает лишь в акте подмечания, который надо полагать и отождествляется Гуссерлем с вниманием. Вновь подчеркивая размежевание психического содержания и устремленности к содержанию, Гуссерль говорит, что только последнее можно назвать представлением. Таким образом, различие представлений, да и вообще различие как таковое, задается не содержанием, а актом подмечания или интенциональностью. В частности, членение логических форм руководствуется не психическим содержанием, а актами подмечания (внимания?) или модусами сознания.

Еще раз Гуссерль возвращается к проблеме внимания во второй главе пятого исследования. Эта глава называется «Сознание как интенциональное переживание» или в первом издании «Сознание как психический акт». В целом, пятое исследование носит название «Об интенциональных переживаниях и их “содержаниях”». Собственно о проблеме внимания речь заходит в 13-м и 19-м параграфе второй главы пятого исследования.

13-й параграф называется «Фиксация нашей терминологии» и в общем является продолжением разграничения понятий «психический феномен» и «интенциональное переживание». В нашем случае существенно то, что Гуссерль, уточняя понятие интенционального акта, разделяет таким образом понятия «интенция» и «внимание». Уже закрепившийся термин «интенциональный акт» несет в себе опасность смешения этих понятий. Так, он пишет, «зачастую мы говорим об интенции в смысле внимания, специально направленного на что-либо, нацеленного взгляда» [1, с. 348]. Однако понятие интенционального предмета не совпадает с предметом внимания: «не всегда интенциональный предмет есть предмет, который специально выделяют, на который направляют внимание» [1, с. 348]. В случае сложных (составных, комплексных) интенциональных актов внимание является лишь одним из них: «Порой одновременно присутствуют и переплетены между собой многие акты, однако внимание особым образом “проявляет свое действие” в одном из них» [1, с. 348]. Акт внимания отличается от прочих одновременных с

ним тем, что мы в нем «как бы растворяемся». Гуссерль считает неуместным говорить об интенции в смысле внимания, добавляя, что «для интенции в смысле направленности внимания (*das Aufmerken*) (мы будем иметь основание не считать эту направленность особым актом) мы как раз имеем этот термин *направлять внимание* (*Aufmerken*)» [1, с. 348]. Далее речь идет о различии интенции и целевой устремленности, что не касается нашей темы.

К вопросу о месте внимания в сложных актах Гуссерль возвращается в 19-м параграфе. Здесь речь идет о различиях в способе фундирования актов, а в качестве примера берется различие между звучанием слова и смыслом (со ссылкой на выражение и смысл). При этом оказывается, что в структуре сложных актов «внимание» выступает синонимом различий значимости и, соответственно, – «предпочтения». Сложность акта (комплекс), по-видимому, состоит в объединении актов выражения, актов значения и актов осуществления в созерцании. При этом существенным оказывается не только способ объединения, но и активность. Понятие активности особенно важно в контексте нашей темы, потому что оно используется Гуссерлем для пояснения роли внимания в функционировании сложных актов. Так, в различии выражения и значения живет наш интерес, который и переводит наше внимание со знака (выражения) на обозначаемое. При этом третий элемент комплекса – осуществление в созерцании – характеризуется «преобладающим интересом». Подчеркнем, что здесь, как и ранее, внимание используется Гуссерлем как технический термин; он не выстраивает теории внимания, а лишь исследует его сдвиги (в «Идеях-1» они будут названы аттенциональными [2, с. 292–297]) в реальном феноменологическом процессе. Причем конституирующими в этом процессе выступают предметы внимания (в данном случае выражение и значение), сам же акт внимания определяется побочно и метафорически (луч света). Говоря о возможности особого поворота к физическому аспекту выражения, Гуссерль добавляет, что «...мы имеем здесь дело с одним случаем общего и, несмотря на все усилия, недостаточно проясненного факта, факта внимания» [1, с. 373]. Далее делается важное уточнение, еще раз подчеркивающее то, что Гуссерль отказывает вниманию (вероятно в пику чрезвычайно распространенных в то время психологических теорий внимания, о чем сам он позднее пишет в «Идеях-1» [2, с. 297]) в статусе самостоятельного акта, определяя его как функцию; функцию интенционального переживания: «...внимание есть особая функция, которая принадлежит актам в уточненном выше смысле интенциональных переживаний» [1, с. 373]. Дескриптивному пониманию интенциональных переживаний (которое, по-видимому, и позволяет выделить внимание как их функцию) препятствует смешение пережитого с интенциональной предметностью. Наличие интенционального акта оказывается условием возможности внимания к соответствующей предметности: «Акты должны быть налицо, чтобы мы могли в них “жить” и иногда “растворяться” в их осуществлении, и, в то время, когда

мы делаем это ... мы обращаем внимание на предметы этих актов» [1, с. 373]. Косвенно характеризуя внимание (в контексте проблемы сложных актов) как предпочтение, которое выделяет один акт из других одновременных ему, Гуссерль задается риторическим вопросом о статусе этого предпочтения; должно ли оно «само расцениваться как акт» или речь идет «скорее о простом осуществлении модусов актов» [1, с. 375], склоняясь к последнему варианту. Тем самым Гуссерль еще раз подчеркивает, что в его задачу не входит разработка теории внимания. Его лишь интересует та функция, «...которую выполняет внимание как выделяющий фактор типологических свойств акта в составных актах; благодаря этой функции внимание оказывает существенное влияние на феноменологическое формообразование последних» [1, с. 375].

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Академ. проект, 2011. – Т. II, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. – М. : Академ. проект, 2009. – Кн. первая.

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск)

Нечаев А. А., кандидат философских наук

E-mail: na76@yandex.ru

Тел.: 8-919-237-08-01

Ugra State University (Khanty-Mansiysk)

Nechaev A. A., Ph.D in Philosophy

E-mail: na76@yandex.ru

Tel: 8-919-237-08-01